

© 2010 г. В.А. АРТАМОНОВ

УКРАИНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО МЕЖДУ ПЕТРОМ I И КАРЛОМ XII В ПОЛТАВСКИЙ ПЕРИОД СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ 1708–1709 ГОДОВ

С октября 1708 г. и по 30 июня 1709 г.¹ на Гетманщине (Левобережной Украине) велась борьба двух вооруженных сил – русской (около 46 тыс.) и шведской (около 30 тыс.) армии. По сравнению с 6–7-летней войной в Восточной Прибалтике (1700–1706, 1710), Речи Посполитой (1701–1706) и десятилетним противоборством в Северной Германии, Финляндии и на Балтике (1712–1721), военные действия в Малороссии были кратковременным эпизодом, но именно там произошел перелом Северной войны.

Главной целью Петра I в 1708 г. была защита государства начиная от Петербурга и до Киева, Запорожья, Азова и укрепление абсолютной монархии². Отражением врага от смоленских границ России Петр I заставил Карла XII 14–15 сентября 1708 г. свернуть на юг. На Украине русское правительство в 1687–1708 гг. безоговорочно поддерживало авторитет и власть Мазепы и сделало эту власть пожизненной. Русский протекторат с 1667 г. обеспечил Гетманщине 40 лет мирной жизни и высокий уровень автономии, вопреки формальным запретам на внешние сношения. Мазепе поручалась переписка с соседними владельцами. Сохранение буферных зон – Гетманщины и Запорожья для Москвы было так же выгодно, как для Стамбула Валахии, Молдавии и Крымского ханства. Уничтожать, «колонизовать» Малороссию (см., например [1. С. 157–163]), преобразовывать мобильные и дешевые формирования днепровских, донских и других казаков в драгун Москва не собиралась.

Стратегическая задача Карла XII оставалась вплоть до смерти в 1718 г. постоянной – утвердить шведскую гегемонию на Балтике и в Восточной Европе. В России и на Украине Карл XII надеялся поднять «боярский» и гетманский сепаратизм, а в 1708 г. дать отдых армии и получить поддержку от Османской империи и Крымского ханства.

Хотя Русская армия имела преимущества близкого тыла, напряженно работавшего на войну, и возможность неограниченных пополнений, противоборство русской и шведской армий шло на равных. Измотанные походами шведы уступали русским по количеству пехоты и артиллерии, но оставались грозны по выучке, дисциплине, беспощадности атак и по боевому духу, которого русские достигли лишь к концу XVIII в.

Артамонов Владимир Алексеевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН.

¹ Все даты приводятся по старому стилю.

² Абсолютизм в передовых странах Европы – Франции, монархии Габсбургов, Пруссии, Дании, Саксонии, Баварии и других – считался в то время самым прогрессивным строем.

И русский, и шведский центры силы стремились консолидировать вокруг себя казачество Гетманщины, расколовшееся на сторонников нового гетмана И.И. Скоропадского (8–10 тыс.), И.С. Мазепы (1–3 тыс.), запорожского кошевого атамана К. Гордиенко (6–8 тыс.) и находившихся на отшибе заднепровских казаков³ (5–10 тыс. чел.). Каждый из этих осколков имел свои цели. Национальные формирования русской армии – украинские полки Слобожанщины (ок. 12 тыс. чел.) были в полном подчинении русского командования. Король и царь считались и с польскими интересами на Украине (Варшавской конфедерации на стороне короля Станислава I Лещинского или Сандомирской конфедерации, с ориентацией на Петра I и бывшего короля Августа II).

Установки казаков Скоропадского. Почти до самого бегства к шведам 24 октября 1708 г. Мазепа в соответствии с указами русского командования распространял манифесты, готовящие население к отпору шведам. С русскими рядовое казачество Гетманщины объединяла прочная память о Древней Руси, осознание себя как части «русского» («славяно-российского») народа, православная взаимность, общерусские святыне и отношение к царской власти как к сакральной. Хотя боеспособность городских и охотничьих (наемных) полков была слабее, чем при Богдане Хмельницком, но они эффективно применялись в мелких стычках, для пикетов, почтовой службы, связи и охранения русской армии (см. [3. С. 177, 515–517; 4. Т. 39. С. 55–57]).

Установки казачества зависели от того, кто принимался за основного противника. Нельзя не признать, что русское правительство исподволь подбиралось к ограничению гетманской власти. Но для простого люда может быть, важнее был единственный «во Вселенной» православный государь, чем гетман. Установка на совместную жизнь в православном государстве с великороссами стала определяющей для украинцев почти на два века [5. С. 607–622]⁴. Престиж Русской православной церкви подкреплял уверенность в противостоянии с «еретиками шведами». Казаки надеялись, что войско Петра I поможет освобождению от шведов и объединению левого и правого берега Днепра. Господство польской шляхты оставило тяжелую память, и «польская угроза» еще не исчезла из народного сознания. Русско-турецкое перемирие 3 января 1700 г. в определенной мере защищало украинские земли от вторжений крымцев.

Установки Мазепы. Кавалер орденов Андрея Первозванного с 1700 г., и Белого Орла с 1707 г. Мазепа («московский» или «польский дух», как называли его запорожцы), исходя из карьерных соображений, активно помогал росту российского абсолютизма. Гетман распоряжался войсковой казной и собрал громадные богатства, с которыми не расставался вплоть до смерти в Бендерах. Налоги и таможенные сборы и войсковая казна оставались в его распоряжении [6. С. 1151–1152; 7. С. 302]. Закрепляя землю и крестьян за старшиной, он не пользовался любовью простого люда (см., например [8. С. 433]). Для выправления авторитета он поддерживал церковных иерархов и, не будучи бескорыстным меценатом, пускал часть средств на церковное строительство⁵. Антигетманским выступлениям он противопоставлял свои наемные полки⁶.

³ Все подсчеты численности казаков приблизительны из-за отсутствия источниковой базы (см. [2]). Коронные земли Правобережной Украины, находившиеся с 1704 г. под временным русско-украинским военным контролем, не выводились из-под формальной юрисдикции Польши.

⁴ Идея украинской свободы возникла только в середине XIX в. и то в форме федерализма с Россией.

⁵ «Великой строитель [...] был святым церквам, ныне проклятой гонитель оным учинился», – так писал Петр I 31 октября 1708 г. [6. Т. 8. С. 261].

⁶ О.Г. Сокирко рискованно считает их аналогом регулярной армии. [9. С. 9–10].

Северная война тяжким бременем навалилась на все Российское государство. Ограничение политической и хозяйственной автономии Гетманщины (Казацкой державы – так пишут ныне на Украине) было неизбежным. Честолюбивый Мазепа, часть старшины и казаков не видели смысла для Украины «пробивать окно в Европу» через Балтику и болезненно воспринимали понукания из Москвы. Гетман и часть старшинской верхушки основную угрозу видели в российском абсолютизме. Мазепа знал, что при «золотых свободах» в Речи Посполитой, каждый магнат был сувереном в своих владениях. Там прагматик-гетман, для которого власть и богатство были смыслом жизни, мог надеяться стать одним из таких же вельмож⁷.

Для знатока международных отношений в Восточной и Юго-восточной Европе, военное дело, стратегия и тактика не были родной стихией. Военная мощь России росла на глазах Мазепы, но он считался только с силой «непобедимого» Карла XII. Зная о принятой русским командованием в 1707 г. «стратегии отложенной победы» и будущей «скифской войне», об оборонительной «линии Петра I» глубиной в 200 верст от Пскова до Чернигова, он все-таки питал надежду на шведско-польскую защиту, с помощью которой можно будет избавиться от «бессмыслицы» Северной войны. Мазепа понимал, что на Украине уже нет общенационального подъема времен освободительной войны 1648–1654 гг., что без иноземного протектората «независимой» Гетманщине при ее небольших ресурсах, слабом военном потенциале и нерегулярном казачестве соперничать с Османской империей, Российским царством или Речью Посполитой невозможно. Нет свидетельств, что в тайных контактах Мазепа оговорил равноправный союз «незалежной гетманской державы» со Швецией, федеративную связь с Варшавой по образцу Гадячской унии 1658 г.⁸ или ту автономию, которой пользовалась Гетманщина в рамках России. Планы Швеции также не предусматривали независимости Гетманщины. Шведы собирались забрать в свои руки всю торговлю Балтика – Восток путем контроля над днепровско-двинским путем. Важнее, чем Гетманщина была для них вассальная Речь Посполитая, в состав которой предполагалось включить Смоленщину, Северщину и Киевщину⁹, а гетмана удалить подальше в Великое княжество Литовское.

Судьба простых казаков и люда под властью Короны Польской, которая в 1699 г. навсегда покончила с казачеством и где старшина не признавалась за шляхту, его не беспокоила. Возможность новых казачьих бунтов, повторение «руины» и реванш Российского государства он не брал в расчет. Недальновидно были отброшены и интересы той старшины, которая ориентировалась на православного государя, из рук которого можно будет получать все блага и привилегии [6. С. 304].

Установки запорожских казаков были такими же, как у донских, волжских, яицких, терских. В низовьях Днепра, Дона и других рек в «войсковые братства» сбивалась вольница, добывавшая средства к существованию главным образом набегами. Охота и артельное рыболовство считались вспомогательным занятием.

⁷ Возможно по желанию Мазепы в соответствии с личным соглашением со шведами ему сулился титул князя, а также размером с Гетманщину Витебское и Полоцкое воеводства с крупными торговыми городами – Оршей и Могилевым по Днепру и Полоцком и Витебском по западной Двине на тех же условиях, как у герцога курляндского [10. S.144, 231–234].

⁸ Хотя известно, что старшина интересовалась условиями унии 1658 г., а в 1703 г. троцкий кастелян М.К. Коцел сообщал стародубскому полковнику М. Миклашевскому, что третья Речь Посполитая украинская «будет таковая, какова Речь Посполитая коронная и литовская» и что король Станислав Лещинский обещал ратификацию этого будущего сеймом [11. С. 266, 410].

⁹ О геополитических планах шведов в то время см. [12].

Хлебопашеством не занимались вплоть до последней четверти XVIII в. Поголовное вооружение, большое значение военной добычи, выборность вождей-атаманов, равенство в правах и обязанностях, народные собрания – «круги», личная свобода и народоправство сближали вольное казачество с «политическими институтами доклассового общества периода военной демократии» [13]. В открытом Диком поле «военные демократии» запорожцев и донцов служили щитом против крымских татар для оседлого украинского и русского населения. Известно, что в экстремальных условиях нередко возрождается социально более ранняя структура общества. После османского завоевания среди сербов, выдвинутых в Черногорию из феодального царства Стефана Душана (1309–1355) возродилась племенная структура и кровнородственные отношения. Казачество Дона, Волги, Яика и Терека начала XVII в. было много архаичнее общественного устройства Российского государства того времени. Среди флибустьеров в Карибском бассейне в XVII в., выходцев из передовых европейских стран, – Англии, Франции, Голландии – отношения строились на принципах военной демократии: общность имущества, за исключением личного оружия, «дуваные» способы дележа добычи, отношение к вожаку как «первому среди равных» [14. С. 5, 8–9]. Идеалом запорожцев было народное казачье правление. Связь с коренными украинскими землями (на расстоянии в 150–300 км) была теснее, чем у донских казаков. Сечевая республика владела степной территорией, сравнимой с самой Гетманщиной. Дикое поле защищало ее от Речи Посполитой, России и гетманских владений, а днепровские плавни – от крымских татар. De facto она всегда считала себя независимой и отторгала любые посягательства на свободу набегов и внешних сношений. Большинство запорожского казачества ориентировалось на православную Российскую державу, откуда получались боеприпасы и денежное жалованье [15. С. 289]. В зависимости от конъюнктуры запорожцы заключали и разрывали договоры с соседними государствами. Никогда не были указом для Сечи ни Варшава, ни Москва, ни Стамбул и Бахчисарай, ни гетман Мазепа. Всегда с сочувствием в Низовом войске и Полтавском полку воспринимались призывы бить «арендарей» и панов. Антимосковский настрой сечевиков определялся социальными, но не национальными причинами, так как свое влияние на юге русское правительство проводило через гетмана и старшину, поэтому неприязнь к ним переносилась и на «Москву»¹⁰. К тому же с конца XVII в. низовая вольница не чувствовала опасности ни от поляков, ни от крымцев, но свободе набегов наглядно угрожали русские крепости, построенные против Крымского ханства – Новобогородицкая (при впадении р. Самара в Днепр в 1688 г.), Новосергиевская (1689) и Каменный Затон (выросший в 1704 г. напротив Чертомлыцкой Сечи и имевший гарнизон в 2251 чел., 110 пушек и 14 мортир) [16. С. 558–586].

Установки правобережных полков. Для «казако-русского народа» Правобережья после ликвидации антишляхетского восстания 1702–1704 г. основным противником оставалось польское государство. Россия даже после ссылки в Сибирь казацкого «батька» С.Ф. Палия воспринималась не врагом, а дружественным государством¹¹. «Палиевщина без Палия» на Правобережье никогда не затихала.

¹⁰ Вражда к гетману с особой силой прорвалась после Полтавской битвы, когда в степи за Днепром запорожцы собрались схватить Мазепу и выдать его царю (см. [11. С. 639]).

¹¹ Во львовских церквях и монастырях с 1688 г. на ектениях и на великом выходе духовенство молилось о здравии не только польского короля Яна III Собеского, но и о здравии царей Петра и Иоанна и Софии Алексеевны [17. Ф. 79. Оп. 1. 1688. Д. 235. Л. 130, 137об.] (о симпатиях казаков Правобережья к русским см. также [17. Ф. 79. Оп. 1. 1693. Д. 2. Л. 86]).

Союзный русско-польский трактат 19 августа 1704 г., подписанный под Навой, открыл путь русским войскам на земли Речи Посполитой и позволил левобережным казакам вступить на Правобережную Украину. *Русская дипломатия выполнила чаяния украинцев, объединив в 1704–1712 гг. левый и правый берег Днепра*¹².

При движении шведов в направлении Москвы, русское командование не считало целесообразным призывать малороссийские войска в Центральную Россию. Мазепе было указано идти на помощь союзным сандомирским конфедератам, хотя и не далее Белой Церкви [6. Т. 8. С. 87, 113, 120, 132]. Это устраивало гетмана. Однако 20 сентября Мазепа получил от царя неожиданную весть, что шведы отбиты от Смоленщины и русских государственных границ и свернули к Кричеву в сторону Гетманщины. Великокороссийским и малороссийским войскам, фельдмаршалу Б.П. Шереметеву и всем русским генералам было приказано «с поспешением» идти на защиту Украины. Царь подтверждал, что «никогда народ малороссийский [...] во всяких неприятельских настуллениях» не будет оставлен [6. Т. 8. С. 153–154]. «Свобода выбора» для Мазепы испарилась, он пришел к верному выводу, что шансы короля на победу упали и что ему грозят шведско-русские тиски. После разгрома Левенгаупта при д. Лесной колебания Мазепы усилились¹³. Добиваться «более высокого международного политико-правового статуса для украинского гетманата [...] путем лавирования между российским и шведским монархом» [18. С. 32] он не мог.

Планы Петра I в случае вторжения шведов в Малороссию были для гетмана открытой книгой¹⁴. Благодаря абсолютному доверию русского правительства и мастерству интриги он мог не опасаться никаких доносов на себя. За несколько дней до вторжения он составлял панегирики царю и проклинал в манифестах шведских «еретиков».

Современная украинская историография выводит из-под понятия предательства бегство Мазепы к шведам. Но в те времена переход на сторону противника повсеместно квалифицировался как неверность и жестоко карался. Вспомним зверскую расправу Карла XII над остзейским дворянином И.Р. Паткулем, задумавшим перевести Лифляндию в состав Речи Посполитой или казнь в Стамбуле валашского господаря К. Брынквяну (1654–1714), затеявшего тайные переговоры с Россией. Мазепа же и старшина 25 июля 1687 г. «пред святым Евангелием» дали присягу «быти [...] у их царского величества у их государских наследников в вечном подданстве верно и постоянно», поэтому уход Мазепы во время войны к врагу в 1708 г. бесспорно попадал в разряд государственной измены.

¹²Появление отрядов Мазепы в 1704 г. на правом берегу Днепра, вызвало массовые грабежи в магнатских имениях и Петру I пришлось писать, что казаков «лучше впредь далее Полонного не вводить» [6. Т. 6. С. 188–191].

¹³«Дьявол его сюда несет! Все мои интереса превратит и войска великороссийские за собою внутрь Украины впровадит на последнюю оной руину и на нашу погибель», досадовал гетман [11. С. 360].

¹⁴Зондажным письмом, составленным до 20 сентября, Мазепа выяснял, куда отступить и эвакуировать артиллерию с боеприпасами из Батурина, с кого брать налоги на сердюков-наемников, если народ разбежится перед неприятелем, что собираются делать русские войска, если Станислав I пойдет на Украину, отдадут ли полякам Белую Церковь и придется ли уводить народ с Правобережья на левый берег Днепра. Мазепе отвечали, что планируется упреждать шведов, ввести казаков в Стародуб и Чернигов, и что будет совершен опережающий марш драгун генерал-майора Н.Ю. Инфлянта вместе со казаками Скоропадского на Северщину [6. Т. 8. С. 710–713].

В августе и сентябре 1708 г. русских войск на Гетманщине не было. Шведы подошли к Костеничам и Мглину 24 сентября 1708 г., Шереметев у Почепа появился 3 октября, Меншиков у Горска – после 18 октября. Предположение, что Мазепа легко поднял бы на помощь шведским «спасителям» 30–40 тыс. казаков, если бы не русская «оккупационная армия» [19. С. 314–315, 368, 388, 394], неверно. Мазепа не был ни пассионарием, ни идейным борцом за свободу и боялся поднимать восстание в отличие от Б.М. Хмельницкого, С.Т. Разина, С.Ф. Палия, К.А. Булавина и К. Гордиенко. Движение мазепинцев оказалось много слабее, чем антиросийские выступления И.О. Выговского (1658–1659), И.М. Брюховецкого (1668) и П.И. Иваненко («Петрика») (1692–1693). Украинский народ справедливо гордится национальными героями – Д.И. Вишневецким, С. Наливайко, П. Конашевичем-Сагайдачным, П.М. Дорошенко, Б.М. Хмельницким, И. Серко, И. Богуном. И.С. Мазепа же с конца 1980-х годов поднят на пьедестал не из-за отваги и беззаветной защиты народа, но из-за стремления украинской верхушки как можно дальше дистанцироваться от Москвы.

В 1708 г. гетман опасался не только выступить против русских и поднять народ против Москвы, но страшился отсидеться в своей резиденции Батурине под защитой большого количества пушек¹⁵. Необоснованный страх перед раскрытием его контактов со шведами и поляками толкнул на бегство из своей «столицы». Эвакуация основной части личной и войсковой казны на несколько тысяч талеров и золотых червонцев [21. С. 230] показывает, что, бросая Батурин, Мазепа считался с гибелью города. Зная нелюбовь к нему простого люда и приверженность большинства казачества царю, он понимал, что вывести казаков к шведам можно только обманом. Даже за Десной, испросив для себя шведскую охрану, не стал выступать перед казаками с речами о «свободе», но перед старшинами [21. С. 66; 22. С. 47–48]. Запорожцев при Мазепе была всего горстка [6. Т. 8. С. 894].

2 ноября А.Д. Меншиков двухчасовым штурмом «в шведской манере» взял Батурин¹⁶. Быстрота захвата в немалой мере может объясняться «несогласием между самыми защитниками» [4. Т. 50. С. 110–114], многие из которых считали немислимым нарушать царскую присягу¹⁷. Идея Мазепы о всеобщем страхе Украины, принятая украинскими историками¹⁸, после «батуринской резни» неверна. «Великое лихолетье» Северной войны нанесло жесточайший ущерб эстонцам, латышам, финнам, полякам и белорусам. (Не пострадали лишь гражданское население Дании и Саксонии, государи которых отказались сопротивляться шведам в 1700 г. и 1706 г.). Украинцы также испытали бедствия от действий двух воевавших сторон. Однако ни гибель мазепинской резиденции, ни истребление шведами и сожжение заживо сотен мужчин, около 3000 женщин и детей в Тернах [22. С. 82–83], ни испепеление городов и сел на Слобожанщине Карлом XII, которого сопровождал Мазепа с мазепинцами, не придавили ни Малороссию, ни

¹⁵ Вопреки этому на Украине пишут: «Национально-освободительная идея обретает свое наивысшее проявление во время восстания Мазепы, которое было обусловлено защитой украинской идентичности против российской агрессии» [20. С. 54].

¹⁶ Отказавшись возглавить оборону своей резиденции, Мазепа оказался первопричиной гибели батуринцев (подробнее см. [22. С. 56–93]).

¹⁷ Т.В. Чухлиб считает, что не причина – бегство Мазепы к шведам, а следствие – уничтожение Батурина «символизировало разрыв многолетних союзных отношений между Украиной, как вассально-зависимой державой и ее давним протектором – Московским царством» [18. С. 26].

¹⁸ Распространять понятие «Гетманщина» на всю Украину неверно с исторической точки зрения.

Правобережную, ни, тем более, Слободскую Украину, Волынь или Галичину. Не от испуга большинство казачества и все крестьянство осталось на стороне России и поднялось на стихийную партизанщину против захватчиков. Не «напуганные террором» мазепинцы Д. Апостол, И. Галаган и другие казаки перешли от Мазепы к русским. Немыслимо, чтобы украинские казаки, горожане и горожанки отчаянно защищали Веприк и Полтаву «устрашась террора»¹⁹. Никакого страха не испытывали и запорожцы, когда они в марте 1709 г. собрались вокруг Карла XII.

«Свою Малороссию» перед наступающими шведами русское командование предпочитало не разорять в отличие от земли Великого княжества Литовского [6. Т. 8. С. 749; 24. С. 389]. Царь неоднократно приказывал «жителем здешним никакой обиды не делать и преступников без пощады казнить за сие». «Надобно драгунам учинить заказ под потеряннем живота, дабы они Черкасом обид не чинили; и ежели хто им учинит какую обиду, и таковых велите вешать без пощады» [6. Т. 8. С. 181]. «Противник на Украине прекратил опустошение, чтобы не восстановить против себя казаков» – писал г. Адлерфельд [10. S. 143]²⁰.

Почти сразу после бегства и разорения Батурина Мазепа стал просчитывать вариант сохранения власти и богатства под «московским ярмом». Тут он оказался прозорливее, чем великий гетман литовский Михал и краковский воевода Януш Вишневецкие, только в марте 1709 г. запросившие у царя амнистии, которая была им предоставлена 7 апреля 1709 г. [6. Т. 9. № 3151 и прим.]. Случись Полтавский разгром в Белоруссии, или направь Карл XII свою армию на Лифляндию вместо Гетманщины, «московский дух» (Мазепа) до смерти остался бы московским [25. С. 388] и таковым вошел бы в историческую память Украины.

Гибель крупной военной базы в Батуристине означала не только сильный удар по армии вторжения, но и спад значения Мазепы в глазах шведов и мазепинцев. В январе – феврале 1709 г. перейти на русскую сторону задумали генеральный есаул Д.М. Максимович (ум. 1732) и полковник Лубенского полка Д. Зеленский [17. Ф. 9. каб. П.В. Отд. 2. Кн. 10. Л. 450; 6. Т. 8. С. 879]. Сбежав из своей резиденции, Мазепа спас себя и большую часть казны, которую, почти не растеряв, довез до Бендер, но своей нерешительностью, отправкой Апостола и (по всей видимости) Галагана к царю, попыткой перейти обратно под русский протекторат, гетман ослабил «мазепинский центр», который оказался неустойчивым и слабее запорожского. Шведский караул за Мазепой был установлен «зело крепок» [17. Ф. 9. Каб. П.В. Отд. 2. Кн. 10. Л. 189об.]. Когда шведы сняли караулы вокруг мазепинцев, к русским перешли еще до Полтавской битвы генеральный судья В. Чуйкевич, компанейский полковник Ю. Кожуховский, сердюцкий полковник Я. Покотило, войсковой товарищ С. Лизогуб, мазепинцы А. Гамалея, Я. Гречаный, канцелярист г. Григорьев, Ф. Лихопой [17. Ф. 124. Оп. 1. 1712. Д. 2. Л. 7–7об.].

6 ноября 1708 г. по указанию Петра был выбран новый гетман – И.И. Скоропадский, и по Украине и России прогремело проклятие «второму Иуде». Русское правительство знало, что Скоропадский, склонный к польским порядкам, был «креатура Мазепина» и собиралось «иметь на него око». Но новый гетман послушно выполнял все указы и до конца жизни оставался верным орудием в руках Моск-

¹⁹ Героических защитников Веприка и Полтавы нельзя представлять «заложниками» Москвы, как пишут Л. Шендрик и О. Янович [23. С. 41].

²⁰ Несправедливо писать, что русская тактика «выжженной земли» грозила снести Украину с лица земли, что в выжженный край должен был превратиться «Киев вместе с Софией, братским монастырем, Киево-Могилянской академией и прочими священными [...] местами» [19. С. 312; 24. С. 192].

вы, он был нужен как знаковая фигура для консолидации казачества. Его политический вес увеличили переводом с правого берега Днепра на левый Киевского и части Переяславского полков (см., например [6. С. 265–266]). «Казацкого батька» Палия с большим запозданием доставили «для учинения диверсии» к Скоропадскому. Тот с согласия князя Г.Ф. Долгорукого должен был обходиться с ним «в любви и приязни» и использовать в зависимости от обстановки, ибо в «своевольных» казаках «не малую имеет любовь и кредит» [26. Т. 3. С. 114; Т. 4. С. 78–79]²¹.

Мазепа волей-неволей должен был остаться при шведах. Ни один пункт его приватного соглашения с Карлом о намерениях не был выполнен. Призывы к казакам присоединяться к скандинавскому воинству для похода на Москву после Рождества 1708 г. выглядели авантюрными.

Сразу после измены Мазепы началось соперничество русской и шведско-мазепинской пропаганды. Полевая канцелярия короля, чтобы пригасить борьбу украинцев, которые не давали передышки шведам, использовала демагогию Мазепы, что «московское тиранство», заставляя казаков участвовать в «безбожной войне», намеренно «выпускает украинскую кровь»²², что царь греческую веру заменяет римской, что казаки должны стать вольным народом и «барьером» между Россией и Турцией.

Пропаганда русской канцелярии и Скоропадского оказалась более действенной. Население Гетманщины, запорожцы, городовые полковники, церковные деятели и правобережные казаки [6. Т. 8. № 2760, 2767, 2771, 2772, 2775, 2781, 2794, 2800] призывались нерушимо стоять вместе с великороссийским войском за веру православленную. Указывалось, что «бывший великий строитель», а ныне «гонитель святых церквей, второй Иуда» и «утеснитель народа» собирается отдать церкви и монастыри в унию и католическую веру. Перехватив письмо Мазепы к Лещинскому от 5 декабря, Головкин указал Скоропадскому разослать 150 оповестительных грамот царя о том, что Мазепа хочет перевести малороссийский народ под иго польское [28. С. 640–641]. Правобережных казаков звали защищать вольность народа малороссийского (подразумевалось – против поляков) [6. Т. 8. С. 942]. Царь, как оборонитель Малороссийского края, защищает его от всех неприятелей. Священникам в церквях и на исповедях предлагалось уговаривать казаков не уходить к Мазепе, духовные лица посылались в Запорожье. Тайное предложение Мазепы, посланное через Д. Апостола о выдаче Карла XII в обмен на прощение при гарантиях европейских государств [22. С. 94–98], в пропаганде не использовалось. Опасение, что «с обеих сторон Днепра взбунтуются» люди, исчезло.

С самого начала украинское население активно сопротивлялось армии вторжения. «Неприятельские люди пришли на границу конницею, полков с восемь, к местечку Мглыну к реке Ипуге, и через реку по ним казаки стреляли; а неприятель уговаривал казаков: “Мы де у вас брать не будем ничего, только за денги будем покупать”; а казаки им на то ответствовали: “*Мы де вам будем пули продавать*”» [6. Т. 8. С. 696]. Сотня казаков из Мглина и крестьяне отбили шведские приступы

²¹ Среди шведов ходили слухи, что выданный ранее Мазепой царю Палий, прибывший из Сибири в русскую армию, стал гетманом [21. Т. 3. С. 315].

²² Через 300 лет пропаганда Мазепы всплыла в трудах украинских историков. В Шевчук пишет, что агрессивная московская деспотия, смотрела на Украину как на объект экспансии и заставляла ее участвовать в империалистических войнах. Для уменьшения военной силы и более действенного порабощения Казацкой державы она возлагала на украинское казачество черную работу как на войне так и на строительных объектах, что стало настоящим бичом для Гетманщины [27. С. 19, 226, 236].

перебив более 50 чел., правда потом «шведы Мглин огнем пожгли и совсем разорили» [6. Т. 8. С. 697, 824].

В Сечи несколько раз собиралась рада, которая отказалась слушать «прелести старой кривой котюги» и постановила сохранять верность «прародительному нашему монарху» и единой православной христианской вере [6. Т. 8. С. 903–908]. Запорожцы писали Мазепе, что они, как часть царского войска, хотели бы знать, чем они провинились перед королем и почему тот из такой дали пришел беспокоить их. В январе 1709 г. 3–4 тыс. сечевиков собирались идти на помощь русским [17. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 18. Ч. 1. Л. 67об.] (см. также [6. Т. 9. С. 582–583]).

После 3 февраля Петр I сочтя, что ситуация в Малороссии потеряла свою остроту, отбыл через Ахтырку на воронежские верфи, а 12 апреля вообще отплыл на бригантине в Азов к османским границам.

Конный набег Карла XII на Слобожанщину («русскую Украину», как называли ее шведы) преследовал цель отбросить противника вглубь русских границ. Разорять украинские села и городки 8 февраля 1709 г. отправился и Мазепа с мазепинцами. «Опустошительный рейд» продолжался всего три дня – его сорвали русские драгуны и казаки победой в большом кавалерийском сражении 11 февраля под Городней. Остановить бегущую шведскую конницу тогда было невозможно [29. С. 218]. В плен чуть было не попал и Мазепа. Наблюдая панику своих покровителей, он безнадежно произнес: «Не думал, что шведы способны на бегство» [30. С. 32]. Русская армия защитила украинцев Слобожанщины и отбросила шведов снова на Гетманщину.

При отступлении шведы выжигали землю, угоняли женщин, детей и скот, «потому что все вокруг были враждебны», как писал Левенгаупт. Были испепелены городки Смелое, Терны, Веприк, Колонтаев, Краснокутск, Коломак, Рублевка, Городня, Мурафа, Хухра, Каплуновка, Лутище, Котельва [31]. «Неприятель [...] жителей мужеска и женска полу в неволю побрал, невинных младенцев живых в снег и в воду побросал» [6. Т. 9. С. 691]. «Рыдания и стенания толп могли бы камень сдвинуть с места» – писал прапорщик Р. Петре. «Король приказал генерал-майору Гамильтону выжечь все в той местности. Этот приказ получили и казаки [мазепинцы], размещенные в Зенькове. В соответствии с этим отряды короля и он лично своей высокой персоной опустошали и сжигали все, вплоть до пограничного с “Татарией” городка Коломак» [21. С. 292]²³. Во второй половине февраля в Нежине закончился сбор казаков Скоропадского и их расставили по р. Днепру и по р. Псел, по Суле, перекрывая путь Лещинскому из Польши. Однако путь со стороны Запорожья остался свободным.

«Война манифестов» за основную массу украинского населения была проиграна Мазепой. Однако его призывы к «скаженным псам» (так именовал запорожцев Мазепа в переписке с русским правительством до измены) встать под знамена победоносного покровителя, который «освободит от ига, которое уготовил им царь» [10. С. 196] и фальшивка, что царь «хочет весь народ малороссийский за Волгу загнать» завершились успехом [17. Каб. ПВ. Отд. 1. Кн. 18. Л. 157об.–158]²⁴.

Карл XII вопреки советам обер-маршала К. Пипера, рекомендовавшего возвращаться в Польшу, тешил себя иллюзиями, что если к нему присоединится

²³ Коломак был на расстоянии около 60 км к северо-востоку от Полтавы и на таком же расстоянии от степного пограничья запорожских казаков. Эту местность нельзя относить к «Татарии» (причерноморским степям Крымского ханства).

²⁴ Доводы Мазепы о захвате военного снаряжения (которого в Полтаве было не много) и «приклонение Украины» можно считать спекулятивными.

Низовое войско, польские хоронгви короля Станислава и крымские татары, то он одолеет путь до Москвы.

Царь, Меншиков и Скоропадский увещевали запорожцев не «приклоняться к шведам и воевать против неприятеля святой церкви правоверной», но надежды удержать «запорожцев добром по самой крайней возможности», не осуществились, сменить пассионарного кошевого атамана Константина Гордиенко не удалось. В январе 1709 г. запорожцы заняли Кодак, находившийся в пяти верстах от Новобогородицкой крепости. 20 января царь встревожился, что запорожцы могут напасть на крепость, и кошевой уведет казаков через Переволочну к шведам. Из предосторожности он предлагал поставить Ингерманландский полк Меншикова в «удобном месте» [6. Т. 9. С. 32]. Предвидя опасное «сползание» шведской силы к Сечи, царь 6–7 февраля указывал Шереметеву «отвести неприятеля от Полтавы и прочих к Запорожью ближних мест к Днепру, разлучая от казачьих городов» [6. Т. 9. С. 80] (см. также [17. Каб. ПВ. Отд. 1. Кн. 51. Л. 56–59]). Скоропадский 7 февраля советовал Меншикову сменить кошевого при помощи «черни запорожской». 21 февраля Петр I предлагал послать Днепром в Каменный Затон не менее трех гарнизонных полков из Киева, Ромен, Ахтырки или Сум, чтобы зайти в тыл запорожцам²⁵. 12 марта Шереметев получил указ Петра I встать между Переволочной и Шведской армией, и если запорожцы будут «противны», начать боевые действия против них. Поражает близорукость фельдмаршала, который сокрушался, что запорожцы могут к шведам и степью пройти. После беседы 16 марта с тремя (возможно подосланными) сечевиками, он сделал вывод, что «от запорожцев не надлежит иметь великого опасения», так как Крымская орда им во всем отказала. Шереметев разослал письма в Низовое войско и в сотни Полтавского полка, чтобы те присоединялись к царю. Скоропадского он просил перебросить Переяславский и Киевский полки в Чигирин к Галагану и к Переволочне, чтобы помешать запорожцам уйти к шведам [17. Ф. 199. Оп. 1. 1709. Д. 246. № 2. Л. 12–13 об.].

Соединение запорожцев через Переволочну пресечь так и не удалось [6. Т. 9. № 3113, 3121, 3127]. Сочтя, что планы и соотношение сил русских и шведов выяснены, подстраховав себя просьбой о протекции Крымского ханства и польского короля С. Лещинского, 12 марта большая часть запорожцев поднялась к Карлу XII. Три месяца, начиная с марта 1709 г., запорожская вольница была при шведах и Мазепе, с которым они ранее почти непримиримо враждовали.

Как и Мазепа, Гордиенко обманом поднял «до войска великого государя» около 38 куреней (по 150–300 конных и пеших запорожцев в курене) [29. S. 220] (цит. по [32. С. 464]) не «на царя воевать, а только за безчинность москвитян». Заколебался полтавский полковник И.П. Левенец, с которым вел переговоры шведский подполковник Йоран Сильферфельм, чтобы врасплох напасть на Полтаву [33. С. 80]²⁶.

По пути от «дьявола кошевого», как прежде и от Мазепы, сбегали казаки [6. Т. 9. С. 746–747]. Однако призыв «бить старшину» находил на Правобережье отклик, и оттуда присоединялись казаки. (Пускался слух, что шведский король перейдет Днепр, чтобы «возмутить» тамошний народ) [32. С. 458–461]. Трехтысячный конный отряд полковника Кэмпбелла, направленный на юг к Днепру, не

²⁵ Петр I советовал для смены кошевого использовать влияние Д.П. Апостола и деньги [6. Т. 9. С. 97, 706–707].

²⁶ Переговоры не имели успеха, но Левенец попал под подозрение и в марте 1709 г. был удален в Харьков, откуда рассылал универсалы, чтобы все казаки Полтавского полка собирались немедленно под его команду и «чинили поиск» над шведами [6. Т. 9. С. 830].

смог перехватить Гордиенко. Часть русского заслона заняла местечко Царичанку в 25 км от Переволочны, остальные драгунские партии в разных направлениях рассеялись по степи. 16 марта запорожцы напали на маленький русский пост в Маячке, на следующий день перебили отряд в Царичанке и привели к королю 115 пленных драгун [6. Т. 9. С. 182]. Кэмпбеллу с остатками своей конницы удалось прорваться на север. Мазепа встречал Гордиенко с его свитой как равного – за полмили (т.е. за 3 км) от Будищ. 27 марта Гордиенко в Будищах присягнул сначала воителю из Скандинавии, а потом 28 марта (29 по шв. стилю), когда писарь в церкви прочел по слогам слова присяги, целовал Евангелие и крест Мазепе²⁷. Если год назад только 1,5 тыс. запорожцев поднялись вместе Булавиным против Москвы, то теперь на войну с ней решилось в три-четыре раза больше людей. После невыносимой стужи 1708 г., ставшей для шведов трагедией, это была скорее не военная, а политическая удача шведов – был открыт путь в сторону Крымской орды. Пипер послал предложение сераскери в Бендерах Юсуф-паше помочь Шведской армии на Украине [17. Ф. 89. Оп. 1. 1709. Д. 1. Л. 169об.–171]. Однако иррегулярных войск при шведах (валахов и запорожцев), было меньше, чем при русских калмыков (до 3 тыс.), донцов (2,5–3 тыс.) и казаков Скоропадского.

В Москве к «шатости» запорожцев были привычны и присоединение их к Карлу не произвело такого шокирующего впечатления, как измена Мазепы. Оттока казаков от Скоропадского к шведам источники не фиксируют.

Далеко не все запорожцы «приклонились» к шведам и ушли к Полтаве. 14 апреля Меншиков писал Петру, что кошевой «Сорочинский, к тем, которые при Костьке, указы посылает, чтоб шли к нему в Сечю, о чем имянно взятые в полон 20 человек сказывают, что те ево указы сами они видели. И многие де из них по тем ево указом хотят возвратитца к нашей стороне, а Костьке и другим, которые той стороны держатся, говорят: “Для чего их туда запровадили?” И непрестанные между ими бои» [6. Т. 9. С. 810–811].

В марте – апреле для прикрытия днепровского рубежа и угрозы тылам Шведской армии главные силы Скоропадского расположили в междуречье Псла и Сулы. В мае Ивану Ильичу вместе с Г.С. Волконским поставили задачу подойти ближе к неприятелю и «чинить ему сильные развращения», дабы тем разделить его войска и «сочинить Полтаве отдух». Противоборство казаков Скоропадского с мазепинцами и запорожцами не развернулось в полную силу. Из-за «нерегулярства» шведы не посылали их на штурмы Веприка и Полтавы и в самостоятельные набеги по русским тылам. Совместные операции русских драгун с малороссийскими казаками были чаще и активнее.

К тому времени левобережье Ворсклы было под русским контролем. Попытки перетянуть запорожцев на свою сторону не прекращались. В начале апреля 1709 г. семитысячная конница К.Э. Ренне ушла «для осмотра неприятельских оборотов» и, как писал Юлленкрук, «для переманивания запорожцев» далеко вниз по левому берегу этой реки к Соколкам. (Ныне Левобережная Соколка находится в 68 км к югу от Полтавы). Против Ренне было отправлено 4 тыс. драгун генерал-майора Кресе с 3 тыс. запорожцев и компанейцами Мазепы [6. Т. 9. С. 828–829]. 11 апреля под Соколками сражались только шведы. Сечевики стояли вдали «и видя тот бой, кричали, и убоясь, не бившись побежали назад» (цит. по [32.

²⁷ Федор Коломыченко, взятый под Решетиловкой, говорил, что от шведов запорожцы получили четыре воза талеров и было роздано по 20 талеров человеку, Мазепа обещал платить человеку по 10 талеров в месяц [17. Ф. 199. Оп. 1. 1709. Д. 246. № 2. Л. 17].

С. 470)]. Много погибло при обратной переправе через Ворсклу. Помимо русских драгун, в бою видную роль сыграли и казаки миргородского полка Д. Апостола.

Петр I «зело порадовался» тому, что авторитет шведского оружия был подмочен и запорожцы увидев, что шведов бьют, станут разбегаться [6. Т. 9. С. 153]. Запорожцы не разбежались, но их дух явно упал, и самостоятельных рейдов против казаков Скоропадского они уже не проводили. Шведы после единственной операции у Соколок других совместных наступательных акций не начинали. Однако в мае и июне они вместе с запорожцами успешно обороняли правобережье Ворсклы, и частично нейтрализовали действия донцов, калмыков и казаков Скоропадского.

Очередной удар по запорожцам был нанесен у Днепра, в устье Ворсклы. Чтобы отсечь Запорожье от шведов, в апреле из Киева к Переволочне и Кереберде вниз по Днепру пошел полковник П.И. Яковлев с тремя пехотными полками. «Остерегал» его от «неприятельских подвигов» полк драгун генерал-майора князя Г.С. Волконского. Шведы никакой помощи запорожцам не оказали. Яковлев и Волконский соединились в районе Чигирина, 18 апреля Яковлев подступил к Переволочне, где засел запорожский полковник «Зилнец» с 3000 казаков. Стрельба из «замка» из трех пушек видимо была бесполезной, после двухчасового штурма «переволочинский замок» был взят, на месте порублено больше 1000 человек «кроме тех, что по куреням побито и позжено». Захвачено было знамя, три пушки, четыре казачьих значка и 12 «воров первых, понеже живых их брали мало, но всех рубили» [6. Т. 9. С. 855]. Под Келебердой донские казаки «запорожцев немалое ж число покололи и табор их взяли» – сообщал Шереметев царю 21 апреля. 24 апреля он же сообщал: «Генерал-майор князь Григорей Волконской с полковником Яковлевым и с командированными драгуны над Переволочною чинили промысл, в которой обреталось казаков с 1000, да жителей с 2000 и оную при помощи Божии достал и воровских запорожцев и жителей вырубил, а иные, убоясь, разбежались и потонули в Ворсклу. А Переволочну, также и Кереберду выжгли» [6. Т. 9. С. 876–877]. Как в наше время, так и в прошлом уничтожение гражданского населения находящегося под властью противника не исключалось из правил ведения войны. Часть сдавшихся не казнили, а лишили носов и ушей. Вайе записал, что «нескольким казакам, захваченным там, были отрезаны носы и уши, и в таком мерзком виде отпустили к нам, чтобы показать их сообщникам, что всех тех, кто будет воевать, ждет то же самое» [30. S. 35]. Русский гарнизон в Переволочне не был оставлен, тамошний «замок и слободы» сожгли. В Кобыляках запорожцев «вместе с мужиками» в обозе насчитывалось 3–4 тыс., но у них не было пороха [17. Ф. 9. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 10. Л. 720 об]. Дорога от Полтавы на юг, через степи Запорожья в сторону Крымского ханства так и осталась открытой.

Поражение под Соколками и разорение Переволочны сбило дух сечевиков. На Правобережье Корсунский, Богуславский и Белоцерковский полки «держали кордон» как против «сапежинских поляков», так и запорожцев. Ренне через открытые письма снова призвал запорожцев переизбрать кошевого и соединиться с русской армией, после чего те получают вознаграждение. В противном случае, как только шведы замирятся и уйдут с Украины, последует еще большая кара. Меншиков распространял манифесты, в которых запорожцы упрекались, что они к «ущербу православия» связались с изменником Мазепой и безбожным еретиком-королем.

Надежда Мазепы на крымскую конницу, вместе с которой добывались украинские победы, испарялась. Тем не менее мазепинцы и шведы распространяли

слухи, что на подходе 40 000 орды [6. Т. 9. С. 929]. Стамбул твердо был настроен на мир с Москвой, и крымский хан вместо орды послал к королю только двух посланцев с разведывательной целью. Появление полковника П.И. Яковлева перед Сечью 11 мая заставило крымчан быстро свернуть свой визит к Карлу XII и Мазепе [30. S. 35].

Обхождение с Сечью было мягче, чем с восставшим Доном, где было уничтожено около 23,5 тыс. чел. Даже после присоединения к шведам запорожцам обещали платить сверх обычного жалованья ежегодно по 12 тыс. руб., и выдать кошевому атаману и судье новые пернач, бунчук, знамя, литавры и трости. Если Низовое войско сложит крестное целование перед П.И. Яковлевым и выберет нового кошевого, «то все вины будут прощены», а права и вольности сохранены [6. Т. 9. С. 181–184].

Полковник П.И. Яковлев, взяв подкрепления из Новобогородицкой крепости и Каменного Затона, вместе с украинскими казаками И. Галагана осуществил давние мечты Мазепы – «искоренил силою оружия проклятое гнездо их – Сечу» (об этом см. [15. С. 249; 34. С. 162]). 14 мая центр запорожского казачества – Чертомлыцкая Сечь (ныне Никополь) почти неприступный островной городок диаметром в 300 сажен был захвачен. Из Каменного Затона вверх и вниз по Днепру выходили партии «для сыску запорожцев по островам». Это событие для кампании 1708–1709 гг. имело скорее политическое, чем военное значение – впервые был разорен символ свободы Войска Запорожского, заложенный в 1652 г. (Было убито несколько сотен человек, три сотни пленено, гарнизон русские не оставили, но казаки Галагана поставили заслоны, чтобы пресечь поступление к шведам продовольствия). Запорожцы, как и донцы были «люди войны» и «кровавыми расправами» поразить их было нельзя. Когда запорожцы в шведском лагере узнали, что Сечь взяли штурмом, то они «было до смерти не убили» Гордиенко и тому пришлось бежать под защиту кавалеристов Крейца. Левенгаупт после этого оставил знаменательную запись: «Гетман Мазепа перестал доверять своим казакам» [29. S. 223]. Разгром центра Войска Запорожского показал, что вся Гетманщина и Запорожье находятся под контролем русской военной силы и казаков Скоропадского и что уцелеть славянские приверженцы Карла XII могут только под шведским крылом.

С 24 мая, чтобы стеснить шведов с тыла, казаки Скоропадского, четыре драгунских и два пехотных полка Г.Ф. Долгорукого [6. Т. 9. С. 936–938] заложили длинную более сотни километров цепь форпостов по 60–300 чел. от Днепра по р. Псел до Сорочинцев, которые уничтожали провиант и фураж в Приднепровье и средства переправы через Днепр, отрезая путь в Речь Посполитую. У Ворсклы в виду шведов казаки Скоропадского нападали и прогоняли в лес мазепинцев. Мазепа со своим и шведским войском не мог «от леса отдалиться» [17. Ф. 9. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 10. Л. 403].

Казачья земля была зыбкой как для шведов, так и для русских. Ни шведы, ни русские не могли твердо полагаться на «своих» казаков²⁸. Штаб короля раздражала их недисциплинированность [21. S. 319]. Отношение к Мазепе тоже было критичным. «Советы шведского генералитета расходились с предложениями казацкого гетмана Мазепы; король, к несчастью, обращал больше внимания на

²⁸ Русские не доверяли и донцам. 1000 донских казаков М.Т. Корсунского, посланных из Черкаска к Полтаве, вопреки их желанию были «порознены» [17. Ф. 9. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 10. Л. 164–165].

советы этого варвара, нежели своих верных советников» [35. С. 198]. Шведы тоже раздражали мазепинцев [36. S. 102]. Сберегая свое воинство Карл поручил рыть осадные траншеи под Полтавой пяти тысячам запорожцев. Принуждение к лопате и кирке те считали унижением. Лекарств и санитарного обеспечения они не получали. Сечевиков, которых было в 4–5 раз меньше, чем шведов, гибло намного больше, и они разбежались с земляных работ. Запорожцы грабили, а иногда и убивали шведов и называли «шельмой» Мазепу за обман. 8–9 июня запорожцы вообще собрались покинуть «шведских союзников». В ответ недовольным намекнули о шведской силе – недалеко под ружьем стояли конные полки Крейца. При подходе к стоянке эскадронов Лейб-регимента всем трубачам было приказано громко трубить. Мазепа, понимая, что у него нет «авторитарной харизмы», умело взял сечевиков обходительностью. Он благодарил их за прошлые дела и просил доказать верность в будущем, несмотря на то что противник своими угрозами пытается отбить их от шведов, имеющих еще сильную армию. Весомым аргументом Мазепы стало обещание двух бочонков золота, татарской помощи, будущей поживы в Полтаве и Москве (!), а также угощение в немереных количествах водкой. В ответ запорожцы обещали стоять до конца при короле и кошевом атамане Косте Гордиенко [21. S. 321; 30. S. 48].

В июне казаки Скоропадского «совершали наезды» на шведов в Беликах, Жуках, Кобеляках. 13 июня они участвовали в «диверсии» против шведов, отвлекая часть их сил на себя [6. Т. 9. С. 206]. Г.Ф. Долгоруков предложил план окончательного разложения мазепинцев. Если ему и Скоропадскому добавят донцов и калмыков, то непрерывность нападений с переменной силой заставит шведов уйти от Полтавы, а тогда «плуты запорожцы и последние мазепины люди» перейдут на сторону царя и будут воевать против неприятеля [6. Т. 9. С. 965–966; 17. Ф. 17. Оп. 1. Д. 91 доп. Л. 367–368об.]. 24 июня Скоропадский со всем войском и Г.Ф. Долгоруков прибыли к русскому лагерю у Петровки и соединились с конницей Меншикова. Накануне решающего сражения казаки гетмана стояли в районе Будищ и Решетилочки, перекрывая путь в Польшу через Кременчуг и Переяслав [7. С. 267]. Запорожцы в это время отказались строить по распоряжению Реншельда земляные укрепления для прикрытия королевского лагеря и не явились на работы [33. С. 104].

Ни шведы, ни русские не выставляли в линейные сражения нерегулярные части, учитывая их специфику. В день Полтавской битвы казаки Скоропадского «обозначали угрозу» противнику со стороны д. Жуки. Атаковать их силами шведский обоз в Пушкаревке было невозможно, нанесение удара по левому шведскому флангу не предусматривалось. Для подстраховки к казакам были посланы шесть драгунских полков генерал-майора Г.С. Волконского.

Карл XII почти всех запорожцев и мазепинцев, как и при ложном нападении русских 21 июня, оставил в обозе у д. Пушкаревка. Со шведами в сражение пошла только небольшая часть добровольцев, которых опрокинули в зоне редутов нерегулярные калмыки (см. об этом [30. S. 2245; 36. S. 110–111; 37. С. 34]²⁹). Прорыв наступающих сквозь редуты оказался победным и какая-то часть казаков Скоропадского во время двухчасового перерыва собралась присоединиться к Сконскому полку, но Максимилиан Вюртембергский не счел себя вправе решать дело

²⁹ Вряд ли заслуживает доверия слова Реншельда, сказанные им во время пира Петра I на полтавском поле победы, что из 30 тыс. участвовавших в деле, 19 тыс. было регулярных, остальные казаки [4. Т. 50. С. 196].

без короля [38. С. 112–113]. Отрезать путь отступления разбитой армии через будищенский лес или добить шведов на поле сражения, или же самостоятельно перекрыть путь к Переловочне казакам Скоропадского и драгунам Долгорукова [39. С. 74, 82] было не по силам. Но они вместе с донцами и калмыками успешно гнались за бегущим противником до Пушкаревки (но не далее). 28–30 июня казаки вели параллельное преследовали до Днепра, а за Днепром к ним присоединились и полки правобережных казаков.

По оценке С. Понятовского около 4–5 тыс. мазепинцев и запорожцев бежали через Днепр [40. С. 64], остальные рассеялись, то есть в самой битве они не потерпели урона; 30 июня на берегу Днепра генерал А.Л. Левенгаупт, в отличие от Петра I, попавшего вместе с молдавским войском в такую же «мышеловку» на Пруте в 1711 г., не смог ничем помочь своим «союзникам», и у Переволочны 2700 казакам пришлось сдаться без всяких условий.

Шведская армия в начале XVIII в. была лучшей в Европе, но одержать победу после испытаний 1708–1709 гг. ей было практически невозможно. 27 июня предел выносливости солдат был исчерпан, войско держалось на воле Карла XII и воинском долге. Даже если представить немыслимое – победу шведов, она обернулась бы всего лишь временным успехом, после которого маршрут пролегал не к Москве, а к Польше [17. Ф. 9. Каб. ПВ. Отд. 1. Кн. 18. Л. 156об., 162], а Мазепе и запорожцам пришлось бы уйти в эмиграцию.

В октябре 1709 г. Г.С. Волконский поставил заставы по Днестру силами Корсунского, Чигиринского, Белоцерковского, Богуславского и Браславского полков, чтобы ни шведы, ни запорожцы «не делали революции» на Украине, причем Петр I указывал рассылать грамоты, чтобы они возвращались обратно [17. Ф. 160. Оп. 1. 1709. Д. 6. Л. 242 об.; Ф. 17. Оп. 1. Д. 91 доп. Л. 387]. Ни у мазепинцев, ни у запорожцев принципиальной бескомпромиссности в противостоянии с Россией не было. В 1714 г. многие из них вернулись на родину («под московское ярмо»). В 1715 г. в Россию прибыл Д.Л. Горленко. 1 июня 1721 г. покаялся в измене «гетман в изгнании» Ф. Орлик. В 1734 г. из-под крымской протекции в Россию вернулись 7 тыс. запорожцев. После поражений османских и крымских войск в «Румянцевской войне» 1768–1774 гг., вывода Крымского ханства из-под юрисдикции Турции и ликвидации в 1775 г. Сечи, потерявшей значение форпоста, запорожских казаков перевели в Предкавказье. Начав жить там за счет хлебопашества (окончательно «сев на землю»), они с 1792 г. превратились, подобно донцам, в верных стражей Российской империи.

27–30 июня 1709 г. Русская армия, казачество Скоропадского при массовой поддержке украинского населения освободили Левобережную Украину от шведов. Связывать Полтавскую победу с ликвидацией Гетманщины во второй половине XVIII в. в результате наступления российского абсолютизма и называть ее катастрофой не исторично, иначе причиной уничтожения гетманской автономии придется признать каждый русский военный успех 1701–1709 гг.³⁰ Катастрофой в украинской истории были разорение южной Руси ханом Батыем, набеги крымско-

³⁰ Ошибочно считать, что «с точки зрения исторической перспективы Иван Мазепа в крайнем случае не проиграл, задержав имперское наступление России на украинские земли [...] Благодаря этому, может быть, украинцы сберегли собственную самоидентичность, а не растворились в “едином русском народе”, не утратили своего языка и культуры. Мазепа, принеся себя в жертву, победил Петра I. Полтавская битва стала не последней точкой в борьбе за независимость Украины и полной катастрофой украинской самостоятельности, а лишь одной из многих, хоть и трагичных, вех в этой борьбе» [41. С. 31–32].

татарских войск и оккупация вермахтом Украины в 1941–1944 гг. Под Полтавой потерпела катастрофу не «Украина», а план мазепинцев перевести Малую Русь под польское господство.

Полтавская победа усилила ориентацию украинцев на службу и карьеру в набирающей силы Российской империи, подкрепила надежду правобережных казаков на освобождение от поляков, увеличила приток в русскую армию молдаван, валахов, греков и сербов.

Русский и украинский народы *вечно* будут жить в соседстве. Не мести и кипения ненависти, а творящей любви и великодушия достойны наши народы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мицик Ю.А., Бажан О.Г., Власов В.С. Історія України. Київ, 2008.
2. Сокирко О.Г. Війська українських гетьманів у Полтавській битві 27 червня 1709 р. // Український історичний журнал. 2009. № 2.
3. Історія українського козацтва: В 2 т. Київ, 2006. Т. 1.
4. Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 39; СПб., 1886. Т. 50.
5. Артамонов В.А. Україно-русская конвергенция в последней трети XVII–XVIII вв. // Україна в Центрально-Східній Європі. Київ, 2005.
6. Письма и бумаги императора Петра Великого: В 13 т. СПб., 1912. Т. VI; М.:Л., 1948. Т. VIII. М.; Л., 1950. Т. IX.
7. Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. Сб. статей. М., 1959.
8. Ульяновський В. Пилип Орлик // Володарі гетьманської булави. Історичні портрети. Київ, 1994.
9. Сокирко О.Г. Охотницьке військо Лівобережної Гетьманщини 1669–1726 рр. Київ, 2000.
10. Adlerfeld G. Leben Carl des Zwölften, König von Schweden. Frankfurt; Leipzig, 1742. Bd. 3.
11. Доба гетьмана Івана Мазепи в документах / Упорядник С. Павлик. Київ, 2007.
12. Åberg A. I karolinerna spår. Stockholm.1959; Åberg A. Karolinerna och Österlandet. Stockholm. 1967.
13. Никитин Н.И. О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI – середины XVII века // История СССР. 1986. № 4; Никитин Н.И. О формационной природе ранних казачьих сообществ // Феодализм в России. Сборник статей и воспоминаний, посвященный памяти акад. Л.В. Черепнина. М., 1987; Никитин Н.И. Вольное казачество в истории России XVII в. // Преподавание истории в школе. 1999. № 7.
14. Никитин Н.И. Казачьи сообщества как пример самоорганизации внесловных и внеклассовых социальных слоев XVI–XVII вв. // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв. Международная конференция – чтения памяти академика Л.В. Черепнина. М., 1994.
15. Яворницький Д.И. История запорожских казаков: В 3 т. Киев, 1991. Т. 3.
16. Станіславський В.В. Запорозька Січ у другій половині XVII – на початку XVIII ст. // Історія українського козацтва. Нариси у двох томах. Київ, 2006. Т. 1.
17. Российский государственный архив древних актов.
18. Чухліб Т.В. Мазепинська Україна між російською та шведською коронами: дилема вибору протекції // Український історичний журнал. 2009. № 2.
19. Павленко С.О. Іван Мазепа . Київ, 2003.
20. Шевчук В. Суспільно-політична думка в Україні від 1710 по 90-ті роки 18 ст. // Тисяча років української суспільно-політичної думки: У 9 т. Київ, 2001. Т. 4. Кн. 1.
21. Karolinska krigares dagböcker. Lund, 1913.
22. Артамонов В.А., Кочегаров К.А., Курукин И.В. Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 г. СПб., 2008.
23. Шендрик Л., Янович О. Карл XII і Петро I. Боротьба за панування // Київська старовина. 1995. № 3.
24. Таирова-Яковлева Т.Г. Мазепа. М., 2007.
25. Грушевський М. Иллюстрированная история Украины. Киев, 1997.
26. Труды императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1910. Т. 3–4.
27. Шевчук В. Просвіченій володар. Київ, 2006.
28. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. СПб., 1871. Т. 1.
29. Lewenhaupt A.L. Adam Ludwig Lewenhaupts berättelse. Stockholm, 1952.

30. *Weihe Fr.Chr.*: Ljtnanten Fr.Chr. von Weihe's dagbok 1708–1712 // Historiska handlingar. Stockholm 1902. Del. 19. № 1.
31. История Свейской войны. М., 2004. Вып. 1. С. 296; *Шутой В.Е.* Борьба народных масс против нашествия армии Карла XII в 1700–1709 гг. М., 1958. С. 348–350.
32. Військові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах. Київ, 2009.
33. *Гилленкрок А.* Современное сказание о походе Карла XII в Россию // Военный журнал. 1844. № 6.
34. *Шутой В.Е.* Измена Мазепы // Исторические записки. М., 1950. № 31.
35. Полтавская битва 1709 – 27 июня – 1909. СПб., 1909.
36. *Krtan D.* Itinerarium. Cestovny dennik z rokov 1708–1709. Bratislava, 1984.
37. *Фридрих II.* Рассуждения Фридерика II, короля прусского о свойстве и воинских дарованиях Карла XII. М., 1789.
38. *Энглунд П.* Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М., 1995.
39. Полтавское сражение 27 июня 1709 г. М., 1959.
40. *Кротов П.А.* Полтавская битва 1709 г.: цена победы и поражения // Меншиковские чтения 2008. СПб., 2008. Вып. 6.
41. *Сальников В.А.* Полтавська битва: катастрофа чи...? // Полтавський регіон: на пульсі держави. 2009. № 9.